

Раскинувшись на земле, несколько стражников с явными следами борьбы лежали без сознания, не сумев противостоять нападавшему. Лу Сяо схватил одного из них и разбудил. Тот, потирая лоб, увидел, кто перед ним, и тут же пришел в себя.

— Господин, он притворился мертвым! — смущенно опустил голову стражник. — Мы не смогли противостоять ему, и он сбежал.

Лу Сяо должен был это предвидеть.

Здесь явно был упущенный им элемент. Ду Цзысю действовал ради денег и власти, а этот человек, очевидно, только ради денег. Такой человек не стал бы спокойно принимать смерть после произошедшего, это был лишь способ сбежать!

Ранения у этих людей были несерьезными, и они один за другим приходили в себя. Когда последний поднялся, с него упал кусок рваной ткани, привлечший всеобщее внимание. Лу Сяо наклонился, поднял лоскут, на котором были следы свежей крови, и увидел небрежно написанный иероглиф —

«Ци».

Все увидели, как Лу Сяо сжал ткань в руке, его лицо стало мрачным, и стало ясно, что это было послание от того, кто сумел сбежать. Чжао Юбао, переполненный гневом, выступил вперед:

— Господин, я сейчас найду художника, чтобы нарисовать его портрет, и закрою городские ворота, чтобы он не смог улететь!

Лу Сяо повернул к нему голову:

— Он мастер перевоплощений. Сменить лицо и смешаться с толпой для него проще простого.

Он не хотел слишком расстраивать его и добавил:

— Делай, как сказал. Ему нужно время, чтобы изменить внешность. Закрой ворота и держи его в пределах Юньчжоу.

Сказав это, Лу Сяо, не обращая внимания на взгляды окружающих, направился в свою комнату.

Сяо Ецзы сидел на маленькой табуретке у двери и, увидев Лу Сяо, нервно подошел к нему. Лу Сяо потрепал его по голове и молча закрыл дверь.

Он с самого начала перепутал, кто здесь пешка, а кто ферзь.

Между настоящим и ложным Ду Цзысю действительно был сговор, но всегда ложный использовал настоящего. Сначала это был Ду Цзысю, подделывающий счета, чтобы обмануть его, перехватывающий письма и создающий все препятствия, чтобы скрыть свою коррупцию.

Когда же другой человек узнал, что он отправил письмо Ци Цзяньсы, он позволил письму прийти, пролил чай, чтобы дать подсказку, и шаг за шагом Лу Сяо находил разгадки, которые ему преднамеренно показывали.

Покушение, возможно, дало Ду Цзысю время вывезти награбленное, но изначальной целью этого человека было ранить Ци Цзяньсы. Удар был направлен на Ци Цзяньсы, а Лу Сяо стал пособником, сам подведя Ци Цзяньсы к убийце.

Ду Цзысю был отработанной пешкой, он хотел убить Ци Цзяньсы и сбежать, а внутренние раздоры в Юньчжоу его не касались. Эту пешку он оставил Лу Сяо в качестве награды.

Какая ирония.

Холодный пот стекал по лицу Лу Сяо. Если бы он не подставился под удар, все могло бы пойти по другому сценарию. Он сжал в руке лоскут с иероглифом «Ци». Что это означало? Сообщение, что это только начало и на этом все не закончится?

Яркая луна висела в небе. Лу Сяо провел весь день в закрытой комнате. Сяо Ецзы дважды стучал в дверь, но в конце концов унес еду обратно на кухню.

Дверь тихо открылась, и Лу Сяо, не поворачивая головы, холодно произнес:

— Иди спать, Сяо Ецзы, я не голоден.

— Кто спрашивает, голоден ли ты?

Лу Сяо обернулся и с удивлением посмотрел на вошедшего:

— Я...

Ци Цзяньсы спокойно сказал:

— Разве не ты хотел жить со мной? Устал от меня и выставил за дверь?

— ...Нет.

Ци Цзяньсы, не дав ему ответить, продолжил:

— Счета находятся в потайном отсеке в комнате родителей Ду Цзысю. Награбленные вещи он

передал торговцу Сюй Цзиньцину, с которым тайно сговорился.

— Хм, — слабо откликнулся Лу Сяо.

Ци Цзяньсы внезапно приблизился, его выражение было таким же, как во время споров с чиновниками в зале, и он резко спросил:

— О чем ты задумался? Или что именно было написано на том лоскуте?

Лу Сяо заморгал, невольно отстраняясь.

Его поведение во дворе было слишком очевидным. Окружающие думали, что он разозлился, но Ци Цзяньсы, несомненно, понял, что на самом деле он был охвачен страхом и растерянностью. Лу Сяо чувствовал, что в следующий момент он сдастся под напором вопросов Ци Цзяньсы.

Он с трудом встретился взглядом с Ци Цзяньсы, делая вид, что не замечает заботы и сомнений в его глазах.

Но это Ци Цзяньсы первым отступил.

Это отступление добавило еще больше мрачности, и Ци Цзяньсы поделился с ним, возможно, важной зацепкой.

В ту ночь, когда нападавший проник в окно, он усмехнулся. Оба они считали, что это был ложный Ду Цзысю, но Ци Цзяньсы сказал, что голос был другим.

Лу Сяо не хотел говорить. Он вдруг почувствовал усталость и положил лоскут на стол. Кровь уже высохла, и иероглиф «Ци» явно выделялся перед Ци Цзяньсы.

Ци Цзяньсы сузил глаза. Он, конечно, не был настолько глуп, чтобы думать, что его хотят обвинить. Даже с его быстрым умом потребовалось несколько минут, чтобы осмыслить всю цепочку событий. Хотя он нажил себе немало врагов, но все они были в Чанъане, и ни один из них не желал его смерти.

Это было для него сложно принять, даже можно сказать, невероятно.

— Это... направлено против меня? — он редко задавал глупые вопросы, но сейчас в его голосе смешались разные эмоции.

Лу Сяо потер глаза и, словно ветер, бросился на кровать, уткнувшись лицом в подушку, и глухо произнес:

— Да.

Ду Цзысю стоял перед простым выбором, и через день-два он бы признался. Но он оказался еще более трусливым, чем предполагал Лу Сяо, или, возможно, не выдержал пыток, и в ту же ночь выложил все, что скрывал годами.

Родители Ду Цзысю даже не знали о потайном отсеке в их комнате, все домашние дела вела его жена. Услышав от стражников правду, они поняли, что их сын годами жил за счет крови и плоти тысяч солдат на границе. Отец Ду Цзысю, почти шестидесятилетний ученый, всегда презиравший коррупцию, тут же потерял сознание.

Сторожа и слуги в доме Сюй Цзиньцина некоторое время сопротивлялись стражам, и в резиденции поднялась суматоха. Хотя Лу Сяо пытался скрыть информацию, Сюй Цзиньцин понял, что Ду Цзысю разоблачен, но времени на перевозку уже не было. Сюй Цзиньцин кричал о законе, но когда нашли улики, он замолчал, словно ему перекрыли горло.

Стражи арестовали целую группу людей и отправили их в тюрьму, чтобы они составили компанию Ду Цзысю. Когда Сюй Цзиньцин и его бухгалтер признались и подписали показания, сердце Лу Сяо наконец успокоилось.

Ци Цзяньсы, получив несколько ранений, задержался в Юньчжоу. Сначала, чтобы не спугнуть подозреваемых, он не сообщал императору, но теперь, когда все закончилось, он написал секретное письмо и отправил его в Чанъань.

Управляющий Чжан приготовил для них мазь, чтобы заживить раны. Лу Сяо был в порядке, но на спине Ци Цзяньсы было множество порезов от камней.

Убедившись, что мазь работает, Лу Сяо разжал сжатые за спиной руки и сложил их в молитвенном жесте:

— Какое облегчение.

Ци Цзяньсы сказал:

— Я не девушка, чтобы быть таким нежным.

Лу Сяо нахмурился:

— Ты не понимаешь. Раньше это был цельный кусок нефрита, а я сломал его край. Теперь мастер говорит, что может починить его. Разве я не должен радоваться?

Ци Цзяньсы молчал. Он думал, что Лу Сяо беспокоится о себе.

Не дожидаясь, пока Лу Сяо полностью поправится, Ци Цзяньсы собрал вещи и подготовил

лошадей.

Он задержался уже слишком долго. Сначала он провел всего несколько дней в Пинчжоу и Наньчжоу, а теперь застрял в Юньчжоу почти на двадцать дней. Сейчас был конец июня, и с учетом времени в пути он уже почти два месяца как покинул Чанъань.

Теперь отправляться в Юнчжоу было уже поздно, и он больше не мог откладывать.

Прощание для них не было в новинку. У Ци Цзяньсы были дела, а Лу Сяо нужно было наводить порядок в Юньчжоу, и так они снова попрощались.

Ни Лу Сяо, ни Ци Цзяньсы не ожидали, что следующая встреча произойдет так скоро.

<http://bllate.org/book/15439/1369321>